

УДК 398
ББК 82.3

Е. В. БИТЕРЯКОВА
(Москва)

НИКОЛАЙ ЛОПАТИН. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ (К 160-летию со дня рождения)

Аннотация. Н. М. Лопатин внес весомый вклад в дело собирания и изучения русского фольклора. Имя его вошло в историю фольклористики благодаря изданному в 1889 г. «Сборнику русских народных лирических песен...» (совместно с В. П. Прокуниным). Задача статьи — добавление новых штрихов к портрету Лопатина — собирателя, исследователя и исполнителя народных песен — на основе материалов из архивов ВМОМК им. М. И. Глинки, РГАЛИ, семейного архива Лопатиных и ОПИ ГИМ.

Ключевые слова: Николай Лопатин, история русской фольклористики, песенные сборники последней трети XIX в., архивные материалы РГАЛИ, ОПИ ГИМ.

Николай Михайлович Лопатин (1854—1897), рядовой юрист, служивший в Москве и соседних губерниях в 1880—1890-е гг., внес весомый вклад в дело собирания и изучения русского фольклора. Имя его вошло в историю фольклористики прежде всего благодаря изданному в 1889 г. «Сборнику русских народных лирических песен», подготовленному совместно с выпускником Московской консерватории В. П. Прокуниным¹. Менее известна другая его работа, опубликованная несколькими годами ранее: «Полный народный песенник, содержащий в себе

Николай Лопатин. ГМП. Собрание Ю. Б. Шмарова. КП 15053/7397

лучшие старинные и новейшие песни, выправленные со слов лучших певцов и по старинным сборникам» (1885). В планах Лопатина было и осуществление прочих публикаций, в частности сборника солдатских песен, однако его завершению помешали болезнь и преждевременная смерть.

Искренняя любовь Николая Лопатина к народной культуре выходила за рамки собирательской и исследовательской работы. Он был также известен современникам как талантливый исполнитель, не только учившийся академическому пению, но и перенимавший аутентичную манеру исполнения непосредственно от певцов из крестьянской и солдатской среды. Его выступления — публичные или в домашней обстанов-

¹ О В. П. Прокунине см.: [Битерякова 2013].

ке — вызывали неизменное восхищение слушателей, а среди почитателей его таланта были Андрей Белый и Лев Толстой.

Не был лишен Лопатин и литературного таланта, его рассказы о деревенской жизни и служебной деятельности отличались, по словам современников, «яркостью художественной наблюдательности и изобразительности» [Лопатин 1921, 9].

Круг общения Н. М. Лопатина был невероятно широк, а среди его друзей и знакомых — лучшие представители московской интеллигенции последней трети XIX столетия: музыканты, актеры, писатели, юристы, ученые. Он был вхож в семью Толстых, с детства его близким другом был Владимир Соловьев, посвятивший Лопатину свою последнюю работу — «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории...» (1900).

Очевидно, что Николай, старший сын в семействе Лопатиных, был яркой, талантливой личностью, однако после смерти имя его оказалось в тени младших братьев — философа, профессора Московского университета Льва Михайловича и актера МХТ Владимира Михайловича, выступавшего под псевдонимом «Михайлов». В большинстве справочных изданий встречаются их имена, тогда как статьи о Николае чаще всего отсутствуют². Из развернутых публикаций, посвященных Н. М. Лопатину, можно назвать лишь одну работу, написанную его другом С. Л. Толстым [Толстой 1926].

Задачей нашей статьи является добавление новых штрихов к портрету Лопатина на основе архивных материалов ВМОМК им. М. И. Глинки (ф. 249), РГАЛИ³, ОПИ ГИМ (ф. 51) и семейного архива Лопатиных.

² Исключением является БСЭ 1954 г. (Т. 25. С. 404), в последующих переизданиях статья о Лопатине была снята (см.: БСЭ, 1974—1975). Краткие справочные статьи можно найти в след. публ.: [Энциклопедический словарь 1966; Венгеров 1917, 5; Кто писал о музыке 1974, 157—158].

³ В РГАЛИ находятся два письма Н. Лопатина, адресованные отцу М. Н. Лопатину, а также учителю и другу Л. И. Поливанову [Ф. 636. Оп. 1. Ед. хр. 325; Ф. 2191. Оп. 1. Ед. хр. 112].

Николай Михайлович Лопатин родился в Москве 4 (16) февраля 1854 г. в семье, принадлежащей небогатому, но старинному дворянскому роду. В семейном архиве Лопатиных в Москве хранится метрика Николая Лопатина⁴: «Выписка из первой части Метрических копий Троицкой, что в Зубове, церкви в Москве за 1854-й год: <...> февраля 4-го родился и 13-го крещен Николай. Родители его: Титулярный Советник из дворян Михаил Николаевич Лопатин и законная жена его Екатерина Львовна, урожденная Чебышева, оба православные, оба первым браком <...>».

Отец семейства, Михаил Николаевич, юрист, был известен в Москве как человек многостороннего образования. Мать, Екатерина Львовна, слыла хорошей пианисткой, обладавшей тонким музыкальным вкусом. Она и обучила своего старшего сына, Николая, грамоте и игре на рояле.

Очевидно, что круг интересов Лопатина определяла семья и та атмосфера, что с раннего детства окружала его в родном доме. Всего в семье Лопатиных выросло пятеро талантливых детей: четыре сына — Николай, Лев, Александр и Владимир и дочь Екатерина⁵.

Н. В. Давыдов в книге «Из прошлого» посвящает отдельную главу отцу Лопатина. Представляя читателю портрет этого человека, жизнь которого «была чиста и светла, как кристалл» [Давыдов 1917, 164], он вспоминает среди прочего о знаменитых на всю Москву «лопатинских средах» — вечерах, устраиваемых еженедельно в доме Лопатиных в Гагаринском переулке: «В давно прошедшем времени в его кабинете встречались <...> И. Ф. Тютчев, А. Ф. Писемский, Л. И. Поливанов, Л. Н. Толстой, А. А. Фет <...>, а позднее В. С. Соловьев, <...> князь С. Н. Трубецкой и многие другие. В кабинете велись серьезные разговоры, возникали горячие споры, а в зале, служившей и столовой, налаживалось пение, орга-

⁴ Материалы семейного архива Лопатиных предоставлены Н. В. Лопатиным, правнуком В. М. Лопатина.

⁵ Подробнее о семье Лопатиных см.: [Лопатин 1997].

низованное молодежью, и становилось непринужденно весело» [Там же, 170].

В гостеприимный дом Лопатиных «стекались замечательные люди России» [Басманов 1981, 12]: Станиславский, Немирович-Данченко, Стасов, Антокольский, Щепкин, Мочалов, Садовский, Островский, Мамонтов, братья Жемчужниковы, Плещеев, Тютчев, Самарин, Кони, Тургенев, Достоевский. «Знаменитое семейство Соловьевых стало попросту своим. Приходил Салтыков-Щедрин» [Там же, 13]⁶. Перечень имен говорит о том, «какова была умственная атмосфера дома Лопатиных и как содержательны должны были быть беседы, слышанные с детства Н. М. Лопатиным» [Толстой 1926, 69].

После нескольких лет домашнего образования (уроки музыки, немецкого и французского языков) Лопатин в 1867 г. поступил в 4-й класс Московской 4-й классической казенной гимназии. Сохранилась справка, выписанная перед поступлением в гимназию: «Свидетельство дано коллежскому советнику Михаилу Николаевичу Лопатину в том, что сын его Николай имеет крепкое телосложение, не содержит никакой болезни, препятствующей его поступлению в учебное заведение, и что ему была привита предохранительная оспа. Медик Учительской семинарии военного ведомства, коллежский ассессор Леонид Сумбуров. Москва 1867 года марта 13-го дня» [ОПИ ГИМ. Ф. 51. Ед. хр. 1. Л. 15].

В 1872 г. Лопатин был зачислен на математический факультет Московского университета. Не выдержав экзамена по окончании первого года учебы, он перешел на юридический факультет и в то же время начал учиться пению (сначала у Ю. К. Арнольда, а затем у А. Д. Александровой-Кочетовой).

Оценку музыкального таланта Н. Лопатина находим в воспоминаниях С. Л. Толстого: «Систематического музыкального образования он не по-

лучил, но был музыкально одарен и много слышал хорошей музыки. Он пел и немного играл на фортепиано. У него был большой и верный голос (тенор) <...>. Но занимаясь вокальными упражнениями, он в то же время не воздерживался и от преждевременных публичных выступлений, и от безжалостного форсирования своего голоса на приятельских пирушках, например, на вечерах известного Шекспировского кружка, после которых ужины нередко продолжались далеко за полночь» [Толстой 1926, 69].

Из той же статьи Толстого узнаем, что любовь к народу и народному творчеству воспитала в Николае среда его родного дома, а одним из толчков, побудивших его заняться изучением народной музыки, стало пение И. И. Лаврова, солиста Большого театра и частого гостя в доме Лопатиных⁷.

Сохранилось немало свидетельств мастерства Лопатина — исполнителя народных песен. Известно, что его пение нравилось Л. Н. Толстому⁸. Нередко, когда писатель бывал у Лопатиных, Николай «подсаживался к клавишам и начинал вдохновенно петь для гостей русские песни. Он пел “полевым” голосом: просто, свободно, красиво» [Басманов 1981, 56], «сопровождая свое пение довольно примитивным аккомпанементом на фортепиано» [Толстой 1986, 244].

С. Л. Толстой вспоминает: «Помню концерт, устроенный в 1885 году в доме А. И. Мамонтова, в Леонтьевском пер., в пользу Ивана Ивановича Лаврова, в то время оставившего сцену и нуждавшегося. Участвовали: хор Шекспировского кружка, Лопатин, в качестве

⁷ Иван Иванович Лавров (1827—1902) — певец (тенор), в 1856—1875 гг. ведущий солист Большого театра, автор книги «Сцена и жизнь. В провинции и в столице» (1889).

⁸ Интересный отзыв Лопатина о Л. Н. Толстом приводит в своей статье С. Л. Толстой: «Сегодня у нас вечером был Л. Н. Толстой. Он производит восторг своей душевной необъятной глубиной чисто-русской бессознательной и какой-то дикой силы. С внешней стороны умный хороший мужик со всей его прелестью и дичью» [Толстой 1926, 70].

⁶ Заходил к Лопатиным и И. А. Бунин, писатель был одно время влюблен в дочь Лопатиных, Екатерину, и общался с ней в Париже.

сольного певца и запевалы, Прокунин, в качестве регента и аккомпаниатора, и сам Лавров. Исполнялись почти исключительно песни из сборника Прокунина и Лопатина. Концерт прошел с большим успехом и воодушевлением, и в следующем году был повторен» [Толстой 1926, 71].

Упоминания об этом концерте находим и в письмах Льва Толстого: «А Илюша поехал на репетицию концерта русского пения, который дают Лопатин и Лавровский» [Толстой 1938, 479]⁹; «Лёля, Илюша, Сережа с дядей Сережей поехали в концерт Лаврова-Лопатина (из письма от 23 февраля 1885 г.) [Там же, 483]. «Маша попросилась к дяде Сереже слушать Лопатина» (из письма от 22 февраля 1885 г.) [Там же, 481]. На последнем письме — приписка Марьи Львовны Толстой: «Я была с Лелей вчера вечером у Толстых, там пел Лопатин, *очень* хорошо, так задористо, и голос очень хороший, по-моему, — Марья Михайловна слушала, слушала, да и заплакала, и ушла к себе в спальню, очень трогательно».

А спустя несколько дней С. А. Толстая в одном из писем сетовала по поводу очередной встречи Лопатина и С. Л. Толстого: «Третьего дня вечером мальчики были у дяди Сережи. Видно, они все там очень подпили и развеселились, потому что поехали ночью к цыганам: Леонид <Оболенский>, Сережа дядя и наш¹⁰, Лопатин, Олсуфьев Миша и еще кто-то. Грустно смотреть на безобразие стариков!» (из письма от 9 марта 1885 г.) [Там же, 500]. Вспоминаются здесь слова С. Л. Толстого, вероятно, тяжело переживавшего раннюю кончину друга и писавшего спустя годы после смерти Н. Лопатина: «К сожалению, своей беспорядочной жизнью он расстроил свое здоровье и рано умер» [Толстой 1986, 244].

⁹ Л. Н. Толстой ошибочно называет Лаврова Лавровским. Из письма от 20 февраля 1885 г.

¹⁰ «Сережа дядя» — брат Льва Толстого Сергей Николаевич, «<Сережа> наш» — сын Л. Н. Толстого и Софьи Андреевны Сергей Львович.

В 1877 г., окончив университетский курс, Лопатин поступил вольноопределяющимся в 3-ю запасную артиллерийскую бригаду, стоявшую в Курске. «Он занял почетное место среди солдат-песельников и за время своей службы <...> изучил и записал много крестьянских и солдатских песен» [Лопатин 1921, 5].

Окончив воинскую службу в звании фейерверкера, Лопатин вступил в число кандидатов на судебные должности при Московском Окружном суде. В октябре 1879 г. он был избран мировым судьей по Елецкому уезду Орловской губ., где продолжал работу по изучению и записи русских песен от солдат воинской ремонтной бригады под начальством капитана Драгунского Орденского полка Н. П. Глебова и крестьян с. Никольского. С. Л. Толстой рассказывает об этом периоде службы Лопатина: «В то же время он нередко бывал по соседству у своей тетки Е. Н. Лопатиной в селе Никольском, где собирал певцов и певиц из местных крестьян, пел с ними и записывал их песни, особенно песни стариков. Интересна следующая бытовая подробность: тетка Лопатина, помещица тургеневского типа, жившая замкнуто и одиноко, несмотря на свою любовь к племяннику, не выносила шума, пения, водки и табаку, вносимые им в дом, и построила ему в саду особую будку, где он, вместе с крестьянами, мог, не стесняя ее, петь, играть на гитаре и записывать песни» [Толстой 1926, 70].

Прослужив в Елецком уезде до 1881 г., затем с 1881 по 1884 г. мировым судьей в Москве, Лопатин в 1884 г. был назначен податным инспектором по Клинскому и Волоколамскому уездам Московской губернии, «что дало ему возможность опять встречаться с крестьянской средой, а также часто бывать в Москве» [Там же].

Из воспоминаний современников можно с определенностью сделать вывод о нелюбви Лопатина к служебной деятельности. По словам С. Л. Толстого, «Николай Михайлович был художник по своей природе. На свои труды по изучению и собиранию русской песни

он смотрел как на главное дело своей жизни, а к службе он относился как к занятию подневольному» [Толстой 1926, 71]. Любопытные тому подтверждения обнаружены нами среди документов архива ГИМ. В фонде Лопатиных имеется рукописная копия Указа № 5424 от 11 сентября 1882 г.: «По Указу Его Императорского Величества, Правительствующий Сенат, в распорядительном заседании слушал: предложение Обер-Прокурора от 23 июля сего года за № 692, в коем изложено, что в распорядительном заседании Московского Столичного Мирowego Съезда, состоявшемся 8 мая сего года, рассматривалось дело о незаконных действиях Мирowego Судьи Рогожского участка Лопатина, заключающихся в том, что судья этот в минувшем январе месяце, не получив отпуска и самовольно прервав отправлен- ние своих служебных обязанностей, отлучился из Москвы в Орловскую губернию, где и оставался до 7 января, между тем как на 7 число было назначено им разбирательство дел в участке <...>. Съезд Мирowych Судей, выслушав объяснение Судьи Лопатина и приняв во внимание, что хотя не прибытие Судьи 7 января в камеру для разбора дела составляет нарушение порядка, но что от этого никаких последствий не произошло, так как нарушенный порядок восстановлен Съездом назначением другого Судьи для разбора, постановил: обстоятельства дела, послужившие поводом к обсуждению действий Мирowego Судьи Лопатина, оставить без последствий <...>» [ОПИ ГИМ. Ф. 51. Ед. хр. 11. Л. 12—13].

Служебная нерадивость Лопатина становится понятной при знакомстве со следующим документом, датированным 1886 г., не вызывающим у человека творческого ни малейшего интереса: «Милостивый государь Николай Михайлович! Поступление в текущем году окладных сборов в заведуемом Вами участке предоставляется крайне неудовлетворительным: по отношению к девятимесячному окладу оно составляет по Клинскому уезду 35,6% и по Волоколамскому 60,2%, к годичному окладу всего лишь по 1-му уезду 26,4%

и по 2-му — 45%, причем, несмотря на удовлетворительный урожай, оно ниже поступлений минувшего, неблагоприятного в сельскохозяйственном отношении, года за тот же период времени по Клинскому уезду на 11375 рублей. Обстоятельство это дает основание предположению, что недобор казенных налогов является результатом нерадения тех лиц, коим поручен надзор за своевременным поступлением этих налогов.

Полученные мною неоднократно от Министерства Финансов указания на весьма слабое поступление окладных сборов по Московской губернии в минувшем году, обязывают меня обратить особенное внимание на поступление текущего года и выяснить пред г. Министром Финансов действительные причины, влияющие на накопление недоимок. В виду этого и руководствуясь данным Вам Министром Финансов наказом, я предлагаю Вам, Милостивый Государь, употребить все Ваше старание к обнаружению этих причин, на месте ознакомиться с тем, какие меры принимает сельское и волостное начальство ко взысканию казенных повинностей и выяснить, какие способы принимаются полицейской властью к надзору за поступлением окладов и взысканию недоимок. Обо всем обнаруженном Вами прошу с возможной подробностью сообщить мне для дальнейшего направления, с целью устранения обнаруженных Вами причин слабого поступления окладных сборов» [ОПИ ГИМ. Ф. 51. Ед. хр. 15. Л. 57—58].

Надо ли говорить, что податной инспектор Лопатин в это самое время всё свое старание пытался употребить отнюдь не к обнаружению причин роста недоимок в Клинском и Волоколамском уездах, а к изданию «Сборника лирических песен», записи народных песен в названных уездах и составлению других сборников¹¹.

¹¹ За полгода до получения цитированного документа податной инспектор Н. Лопатин подал управляющему Московской казенной палатой прошение об отпуске (черновик прошения от 04.05.1886 хранится в ОПИ ГИМ): «Имея необходимость по домашним

В 1885 г. Лопатин составил «Полный народный песенник, содержащий в себе лучшие старинные и новейшие песни, выправленные со слов лучших певцов и по старинным сборникам. Песни девичьи, женские, мужские, рекрутские, солдатские, свадебные, подблюдные и хороводные с прибавлением стихотворений русских поэтов», изданный И. Д. Сытиным с рисунками графа Ф. Л. Соллогуба. В нем Лопатин не ставил перед собой научных задач, намереваясь лишь представить широкой публике популярный песенник. По замечанию С. Л. Толстого, «с этой точки зрения он достиг своей цели. Песенник богат, составлен умело и со вкусом. Он разошелся в десятках, если не в сотнях тысяч экземпляров» [Толстой 1926, 75]. Сам Лопатин так определяет цель издания в кратком предисловии «От составителя»: «Лучшие старинные песни в новейших песенниках испорчены сокращениями и произвольными изменениями <...>. Искажение песен происходит от небрежности составителей или от плохого выбора певцов, от которых песни записываются. Певец певцу рознь. Слова одной и той же песни у одного певца — беспорядковы и даже бессмысленны, у другого представляют красоту и глубокую мысль. Предлагаемый песенник есть опыт восстановления песен по лучшим их разноречиям».

Публикации «Песенника» непосредственно предшествовала подача Докладной записки «Об издании русского песенника для народа» в Комитет грамотности, в которой составителем обосновывается необходимость публикации [ОПИ ГИМ. Ф. 51. Ед. хр. 20]. Среди прочего в ней говорится, что с середины XIX столетия, когда «собрание народных русских песен и издание их в форме сборников» перешло «всецело в область научную», т. е. недоступную для наро-

обстоятельствам отлучиться из места моего служения, я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне отпуск сроком на 28 дней в Орловскую, Тульскую, Курскую и Таврические губернии» [ОПИ ГИМ. Ф. 51. Ед. хр. 15. Л. 61].

да, «печатание народных песенников» оказалось в руках «так называемой “народной или серобумажной литературы”». «Эти сборники или песенники распродают в громадном количестве экземпляров ярмарками и бродячими продавцами. Они чинно теснятся рядом с священными книгами по избам крестьян и читаются в наши долгие осенние вечера, в обеденное время после летней рабочей поры грамотными ребятами своим домашним, и преимущественно составляют собственность женщин, столь склонных к лиризму, они же хранятся по солдатским сундукам и под подушками в лагерях и казармах, и естественно дочитываются до того, что не остается листа. Обращал ли кто-нибудь серьезное внимание на содержание этих сборников? Все они представляют перепечатку друг друга <...>. Но чем ближе издание этих сборников к нашему времени, тем менее они заключают наши лучшие образцы народного творчества или лучшие образцы наших авторов и поэтов, в последних изданиях почти совершенно иссякающих. В них наши старинные песни заменяются мало знающими, необразованными составителями песнями <...> куплетами и буффонными шансонетками, хотя такого рода сборники и носят громкое название “народных русских песенников” или “собрания народных песен”. <...> Ввиду этого печального положения народа в отношении сборников песен, крайне был бы необходим составленный хоть сколько-нибудь порядочно народный песенник. <...> Такой народный сборник должен состоять из лучших народных лирических песен в *чистейших* вариантах. Лирические песни должны быть подразделены по роду лиризма на протяжные и военные. Когда возможно, перед песнею должно быть примечание о том, что обозначает эта песня, кем она была первоначально сочинена, может быть, случится поместить и рядом два варианта иной песни, указывать также те стороны быта, которые послужили основанием песни. <...> Хорошо бы каждый отдел снабдить соответствующей картинкой. Размер

сборника приблизительно надо определить от 300—250 песен» [ОПИ ГИМ. Ф. 51. Ед. хр. 20. Л. 2].

Хотя «Песенник» Лопатина имеет популярную направленность, многие тексты даны с вариантами и снабжены этнографическими комментариями. Например, в разделе «Свадебные песни» он точно указывает местоположение песен в обряде. Здесь названы: песни, которые поются на сговоре («Не было ветру», «Ты заря ли моя, зорюшка»), на девичнике («Из-за лесу, лесу темного»), когда везут невесту к венцу. Отдельно выделен жанр «заплачек», которому предпослано следующее описание: «Кроме свадебных песен на свадьбах и при всех свадебных обрядах, особенно в прежнее время, пелись, да во многих местах (особенно на севере) поются до сих пор, заплачки. Для этого нанимают особых плакальщиц или воплениц; иные же заплачки поет сама невеста, а иногда ее родные. Такие заплачки называются также причитаниями». Завершается сборник песнями на стихи русских поэтов: А. Ф. Мерзлякова, Н. Г. Цыганова, А. А. Дельвига, А. В. Кольцова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и др.

С 1883 г. началась совместная работа Лопатина по записи и изучению народных песен с В. П. Прокуниным. В результате в 1885 г. ими был окончен, а в 1889 г. издан¹² «Сборник лирических русских песен Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина. Опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания, — Н. М. Лопатина, с положением песен для голоса и фортепиано — В. П. Прокунина, и с приложением полной расстановки слов некоторых вариантов по их напеву».

О творческом союзе Лопатина и Прокунина С. Л. Толстой писал: «Прокунин был человек совсем другого характера, чем Лопатин, но они отлично дополняли друг друга. Насколько Лопатин был горяч, порывист и необуздан

в своих увлечениях, настолько Прокунин был хладнокровен и медлителен. Они стали вдвоем записывать песни, для чего нередко вместе ездили в центральные губернии; Лопатин записывал текст, Прокунин — мелодию, причем Лопатин помогал ему напеванием песни» [Толстой 1926, 70].

Уже в самых первых рецензиях сборник Лопатина и Прокунина называли «одной из наиболее интересных этнографических новинок последнего времени» [Русская мысль 1889, 294], а составителей — «солидными знатоками и любителями народной музыки и песни, с большим чутьем народности» [Там же], ведущими читателей «по тому новому пути, на который начинает вступать русская этнография» [Киевская старина 1889, 461].

Первая часть сборника выполнена Лопатиным и открывается Предисловием, в котором автор говорит, что поставил себе целью сличение вариантов и уяснение народного быта, изображаемого песней. Немаловажным является и утверждение, завершающее этот раздел, о том, что тексты и напевы оставлены составителями без изменений, т. е. так, как они были записаны от певцов. Именно Лопатину «принадлежит ведущая роль в обосновании как целей сборника, так и методики подбора и анализа публикуемых в нем песен» [Вульфийус 1979, 49].

Хотя ни Лопатин, ни Прокунин не ставили себе целью «исследование музыкального строя песен и стихотворного склада песенной речи» [Лопатин, Прокунин 1956, 38], «развернутые историко-эстетические наблюдения первого и чуткие “реконструкции” звучания песен второго позволили им выйти в своем издании за пределы собирательской мысли. Представляется, что немалую роль в этом сыграла совместная работа образованного и горячо преданного народному искусству филолога, каким есть все основания считать Лопатина, и не менее увлеченного народной песней талантливого профессионала-музыканта Прокунина. Насколько тесной и органичной была их связь, видно по результатам их деятельности. Поэтому 161

¹² Как поясняет С. Л. Толстой, «до этого времени авторы не находили средств для его напечатания» [Толстой 1926, 76].

не будет преувеличением утверждать, что в сборнике Лопатина и Прокунина впервые в истории русской фольклористики сказалась эффективность *комплексного* изучения народного творчества» [Вульфийс 1979, 50].

Изложению основных методических и аналитических принципов посвящено развернутое Вступление, в котором Лопатин «широко для своего времени освещает вопросы: характеристики народного лирического песенного творчества в целом, записывания русских народных песен и издания сборников их, а также современного ему состояния песенного творчества в России» [Беляев 1956, 5]. Завершает Вступление критический обзор сборников русских народных песен (текстовых и нотных) XVIII—XIX вв.

За Предисловием и Вступлением следуют тексты песен и поэтические варианты, сличение вариантов и подробные комментарии к каждой песне, очерки по истории отдельных песен. Оценивая работу Лопатина, С. Л. Толстой писал: «О каждой песне он приводит всё, что ему известно: ее варианты, ее место в народном быту, предположение о возникновении и т. д. Эти комментарии, может быть, не строго научны, но они изложены живо, со знанием дела и с большой любовью к народному творчеству. <...> До сего времени этот труд Лопатина остается единственным в своем роде» [Толстой 1926, 77].

Путем сличения различных вариантов Лопатин стремился установить общие типичные черты лирической песни, а также определить некоторые особенности процесса развития этого жанра и историю отдельных его образцов. Работа Лопатина стала первым обстоятельным исследованием русской народно-песенной лирики, основанным на превосходном знании поэтического и музыкального материала, а также народного быта.

По словам С. Л. Толстого, «сборник Лопатина и Прокунина должен быть причислен к лучшим трудам по русской музыкальной этнографии» и, безусловно, «составил эпоху в деле изучения русской песни» [Там же, 82].

Среди архивных материалов ОПИ ГИМ есть рукописные тетради Лопатина с текстами и нотами песен, записываемых им в период подготовки сборника (1880-е гг.). Они очень напоминают черновики современных экспедиционных тетрадей и содержат все те комментарии, которые столь высоко оценил Толстой: время, место и дата записи песни, имена исполнителей, место рождения исполнителей и т. п.

Например, в одной из тетрадей находим развернутый комментарий к песне «Скучно мне на чужой стороне»: «записана в Клину 6 августа 1887 г. от отставного рядового Елецкого полка Голубева, был ранен у Малахова кургана». И далее следует длинный рассказ исполнителя об обороне Севастополя и ранении. В той же тетради читаем о песне «Мы под Ревелем стояли»: «зап. в г. Волоколамске в резервном батальоне от запевалы Якова Каисина, урож. Вятской губернии» [ОПИ ГИМ. Ф. 51. Ед. хр. 19]. Или, например, о песне «Господа наши бояре не разгадливые», записанной в с. Пирогово Крапивинского уезда Тверской губернии 26 июня 1889 г.: «Пела Акулина — баба уже пожилая. Перед пением песни она заметила: “Вот песня хороша, да не обидеть бы кого ею!”» [Там же].

Особо следует отметить полноту текстов, записываемых Лопатиным: часто в тетрадях зафиксировано более 20 строф одной песни. Записи сделаны карандашом, очень размашистым почерком, вероятно, в процессе исполнения. Характерно, что текст заносился Лопатиным в тетрадь со всеми вставными словами. Показательна в этой связи цитата из его письма: «Не случится ли кому хоть <...> записать слова песен <...> во всяком случае, пушай спросят, не поют ли у вас “Не вечерняя зоря” и “Уж-от ты поле чистое”, только не турецкое. Попросите их <...> записать. <...> Скажите Ване, чтобы записывал <текст> в одну линию с повторениями, со всеми “ах”, “ах да” и т. д. Как ему ни дико будет казаться, а чтобы писал всё подряд и так в черновом мне и прислал» (Письмо Н. М. Лопатина Л. И. Поливанову от 13.06.1884) [РГАЛИ. Ф. 2191. Оп. 1. Ед. хр. 112].

Среди рукописных материалов можно обнаружить и описания обстоятельств записи: «Сколько раз случалось в поисках за песнями в незнакомой местности устроить хор. Соберутся мужики, станут в кружок, изкашляются. Смотришь: хор большой, и думаешь, хорошо споют, что-нибудь услышишь новое. Начинаются разговоры: споём барину получше какую, и какой-нибудь поголосистее начинает затягивать, и чувствуете вы, что он затынул что-то такое и скверное, и среднее, а хор с увлечением и старанием подхватывает, а вам только всё стыдней и за них и за себя, и находит на вас сомнение: "Правду говорят, где они, песни-то, в народе, всё это вздор, и давно они в прошедшее отошли". Наконец не вытерпите и скажете: "Ребята, ведь это скверно, что за песня, хорошей не знаете ли, какой старинной, ну такой или этакой", — сами им напомним что-нибудь. И через полчаса вы слушаете, как человек 30 хору во всю мощь и ширь поет вам и горы, и поле турецкое, и моздокскую степь, и вы поражаетесь и грандиозностью и строгостью, то бодростью, то меланхолической грустью заправских русских напевов. А ведь хор тот же и те же люди» [ОПИ ГИМ. Ф. 51. Ед. хр. 21. Л. 75].

«Часто собирателю, попавшему в новую для него местность, приходится слышать от местных интеллигентных жителей: "Помилуйте, какие у нас песни, поют какую-то чепуху, вот разве такой-то или такая-то знают — они в молодости певали!" Но начинаете записывать песни, говорить о них с народом, расспрашивать, и оказывается, что, напротив, песен кругом очень много. Распространяется по деревне, что приехал охотник до песен и начинают к собирателю являться певцы. Иногда случается, что собирателю сами же певцы указывают на знатоков песен, начиная принимать живое участие в работе собирателя: "Что вы от Ваньки записываете песни, он бестолковый, вот Стёпка у нас здоров на песни". Приведут Стёпку, тот сначала конфузится, отговаривается, что он песен не знает, что "Ванька в песнях главный", но по-

немножку, что называется, разойдется... и оказывается, что Стёпка действительно прекрасный певец, обладающий нечеловеческой памятью и знающий множество песен» [ОПИ ГИМ. Ф. 51. Ед. хр. 22. Л. 75].

В черновой версии статьи С. Л. Толстого сказано: «В планах Лопатина было также составление сборника солдатских песен и написание монографии о женских песнях, но эти труды, к сожалению, не были завершены» [ВМОМК. Ф. 249. № 160. С. 5]. Подтверждение этим словам находим в ОПИ ГИМ, одной из единиц хранения которого являются «Материалы к "Сборнику русских солдатских песен, предназначенному для военно-учебных заведений и полков Н. М. Лопатина. Положение песен для хора с фортепьяно В. П. Прокунина" 1891 года» [ОПИ ГИМ. Ф. 51. Ед. хр. 31]. Однако сохранился, вероятно, лишь черновик предисловия Лопатина к сборнику «Несколько слов о солдатских песнях вообще и о приемах их пения», датированный 21 ноября 1891 г. Переложения, выполненные В. П. Прокуниным, на сегодняшний день не обнаружены.

В качестве эпиграфа составитель сборника выбрал цитату из приказа генерала Скобелева, которую поясняет в предисловии: «Скобелев обыкновенно с песнями водил войска на штурм, и свою любовь к ним увековечил приказом по 16-й дивизии под Плевной: "Лагерь наш слишком скучный. Желательно было бы, чтобы чаще горели костры и пели песни. Во всех ротах обратить серьезное внимание на образование хороших песельников; поход без песельников — грусть-тоска"» [ОПИ ГИМ. Ф. 51. Ед. хр. 31. Л. 3]. А в самом начале предисловия Лопатин рассуждает о феномене солдатского пения: «В русской армии есть одно своеобразное явление, к которому мы, русские, привыкли и потому не придаем ему особого значения, но которое не встречается нигде в Европе — это народно-солдатская песня. Входят ли русские солдаты в деревню или в город, возвращаются ли с ученья и работ, их приближение всегда возвещает могучая хоровая песня на-

родного склада со своеобразными приемами пения, не похожими на обыкновенно принятые в музыке» [ОПИ ГИМ. Ф. 51. Ед. хр. 31. Л. 2].

В 1889 г. Лопатин оставил должность податного инспектора и возвратился к службе по судебному ведомству, заняв место городского судьи в г. Клину.

В 1891 г., живя летом на даче близ Клина, в с. Демьянове, принадлежавшем Танеевым, Лопатин познакомился с семьей Эртель и сделался женихом старшей дочери, Марии Александровны. А. Белый в своей книге воспоминаний «На рубеже двух столетий» в главе «Прощание с Демьяновым» писал: «Семейство Эртелей, друзей Танеевых, переполняет весь парк громким смехом студентика Мишеньки, пением Марии Александровны, розовощекой, дородной девицы, одетой всегда в сарафан, с черной, толстой косою» [Белый 1930, 255]. И следом, буквально в несколько штрихов, рисует облик Н. Лопатина начала 1890-х гг.: «Николай Михайлович <...> мужественный, сдержанный, брянет с сиплым басом (он попивал); ходил угрюмый и мрачный, хотя в женах состоял. <...> Почти каждый вечер <...> Николай Михайлович, мировой судья, собиратель народных песен, их пел своим сиплым, надорванным грубоватым голосом: пел превосходно; а М. Эртель, невеста его, аккомпанировала часами» [Там же, 259]. Другой портрет Лопатина, который датируется летом 1890 г., находим в воспоминаниях жены И. А. Бунина: «Николая Михайловича я знала, он был сослуживцем моего отца. Я видела его раз на белой лошади, в белой косоворотке, белом картузе, когда он приехал к папе в Волынское, где мы проводили лето, мне тогда шел девятый год» [Муромцева-Бунина 1989, 273].

Однако браку Николая Лопатина с Марией Эртель не суждено было совершиться. Вскоре Лопатин тяжело заболел¹³ и скончался спустя несколько лет,

¹³ Лопатин заболел, вероятно, после 1892 г. (во всяком случае, его письмо к отцу, датированное 25 апреля 1892 г., написано до болезни). Болезнь и смерть Николая повлияли на сестру, о чем вспоминает жена Бунина:

1 (13) августа 1897 г. Похоронен в Новодевичьем монастыре¹⁴.

Один из его братьев, Владимир, так определяет место народной песни в жизни Н. М. Лопатина: «Художественным запросам его души дала отклик подлинная народная русская песня, и красота этой песни стала его святыней, всем смыслом и целью его личной жизни... Ничто так не заботило его, как сбережение этой святыни от кощунственных искажений, и ничто так не оскорбляло его художественного чувства, как ее опошление в угоду дешевым вкусам городской толпы профессиональными певцами и патентованными “русскими” хорами и капеллами» [Лопатин 1921, 9—10].

Литература

А. П. 1889 — А. П. Сборник русских народных лирических песен Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина. Две части. М., 1889 <Литературное обозрение> // Вестник Европы. 1889. № 8. С. 858—861.

Басманов 1981 — Басманов А. Е. Особняк с потайной дверью. М., 1981.

Беляев 1956 — Беляев В. М. «Сборник русских народных лирических песен» Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина // Лопатин Н. М., Прокунин В. П. Русские народные лирические песни. Опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания Н. М. Лопатина, с положением песен для голоса и фортепиано В. П. Прокунина и с приложением полной расстановки слов некоторых вариантов по их напеву /

«У Катерины Михайловны <Лопатиной> в то время были очень сложные отношения с психиатром Т., который лечил ее недавно скончавшегося брата, Николая Михайловича, собирателя русских песен и сослуживца моего отца. Николай Михайлович заболел душевно, что на сестру произвело сильнейшее впечатление, и она с тех пор стала интересоваться психиатрией, впоследствии сделалась настоятельницей Никольской общины, где читала сестрам лекции по уходу за душевнобольными» [Муромцева-Бунина 1989, 169].

¹⁴ Рядом с могилой Н. Лопатина находится могила его брата Льва Николаевича Лопатина. Оба захоронения сохранились, несмотря на «реконструкцию» некрополя в 1930-е гг.

под ред. и с вступит. ст. В. Беляева. М., 1956. С. 3—28.

Белый 1930 — *Белый А.* На рубеже двух столетий. М.; Л., 1930.

Битерякова 2013 — *Битерякова Е. В.* Василий Павлович Прокунин: страницы биографии (к 165-летию со дня рождения) // Традиционная культура. 2013. № 2. С. 148—159.

Венгеров 1917 — *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей. Собрал проф. С. А. Венгеров. Т. IV. Петроград, 1917.

Вульфус 1979 — *Вульфус П. А.* К истории музыкальной фольклористики // Русская мысль о музыкальном фольклоре: Материалы и документы / вступит. ст., сост., коммент. П. А. Вульфуса; предисл. Е. М. Орловой; общ. ред. О. И. Соколовой. М., 1979. С. 10—72.

Давыдов 1917 — *Давыдов Н. В.* Из прошлого. Ч. 2. М., 1917.

Киевская старина 1889 — Киевская старина. 1889. Ноябрь. С. 461.

Кто писал о музыке 1974 — *Бернандт Г. Б., Ямпольский И. М.* Кто писал о музыке. Био-библиографический словарь музыкальных критиков и лиц, писавших о музыке в дореволюционной России и СССР. Т. II. М., 1974.

Лопатин 1997 — *Лопатин В. М.* Из воспоминаний / публ., предисл. и примеч. В. В. Лопатина и Н. В. Лопатина // Исследования по истории русской мысли / отв. ред. М. А. Колеров. СПб., 1997. С. 168—205.

Лопатин 1921 — *Лопатин В. М.* Николай Михайлович Лопатин / Рукопись. М., 1921 <архив семьи Лопатиных, Москва>.

Лопатин, Прокунин 1956 — *Лопатин Н. М., Прокунин В. П.* Русские народные лирические песни. Опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания Н. М. Лопатина, с положением песен для голоса и фортепиано В. П. Прокунина и с приложением полной расстановки слов некоторых вариантов по их напеву / под ред. и с вступит. ст. В. Беляева. М., 1956.

Муромцева-Бунина 1989 — *Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина (1870—1906). Беседы с памятью. М., 1989. С. 169, 273.

Русская мысль 1889 — Сборник русских народных песен. Лопатина и Прокунина. 2 части. М., 1889 // Русская мысль. 1889. № 7. <Библиографический отдел.> С. 294—295.

Степович 1889 — *Степович А.* Лопатин Н. М. и Прокунин В. П. Сборник русских народных лирических песен. 2 части. М., 1889 <Библиография> // Киевская старина. Т. XXVII. 1889. Ноябрь. С. 461—465.

Толстой 1926 — *Толстой С. Л.* В. Прокунин и Н. Лопатин. Их жизнь и труды // Сборник работ Этнографической секции. М., 1926. С. 68—82 (Труды Государственного института музыкальной науки. Вып. 1).

Толстой 1938 — *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. Серия третья: Письма. Т. 83: Письма к С. А. Толстой 1862—1886 / под общ. ред. В. Г. Черткова. М., 1938.

Толстой 1956 — *Толстой С. Л.* Очерки былого / под общ. ред. Н. А. Бродского, Ф. В. Гладкова, Ф. М. Головенченко, Н. К. Гудзия. М., 1956. С. 283, 385, 389.

Толстой 1986 — *Толстой С. Л.* Друзья и знакомые нашей семьи // Яснополянский сборник 1986. Статьи, материалы, публикации / публ. Т. Г. Никифоровой. Тула, 1986. С. 241—245.

Энциклопедический словарь 1966 — Энциклопедический музыкальный словарь / авторы-сост.: Б. Б. Штейнпресс, М. Б. Ямпольский. М., 1966.

Сокращения

БСЭ — Большая советская энциклопедия.

ВМОМК — Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры им. М. И. Глинки (Москва).

ГМП — Государственный музей А. С. Пушкина (Москва).

МХТ — Московский художественный театр.

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

Summary. *Nikolay M. Lopatin made a significant contribution into the collection and the study of Russian folklore. He became well-known mainly because of the joint publication with V. Prokunin of "Collection of Russian Lyric songs..." (1889). The aim of the article is to add some new strokes to the portrait of N. Lopatin as a collector, researcher, and a singer. The article is based on the archival materials from Lopatins' family archive, The Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), The State Historical Museum (GIM) and others.*

Key words: *N. Lopatin, history of the study of Russian folklore, song collections of the 19th century, archival materials from The Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), The State Historical Museum (GIM).*